

Люди и судьбы

М.С. Шальнева

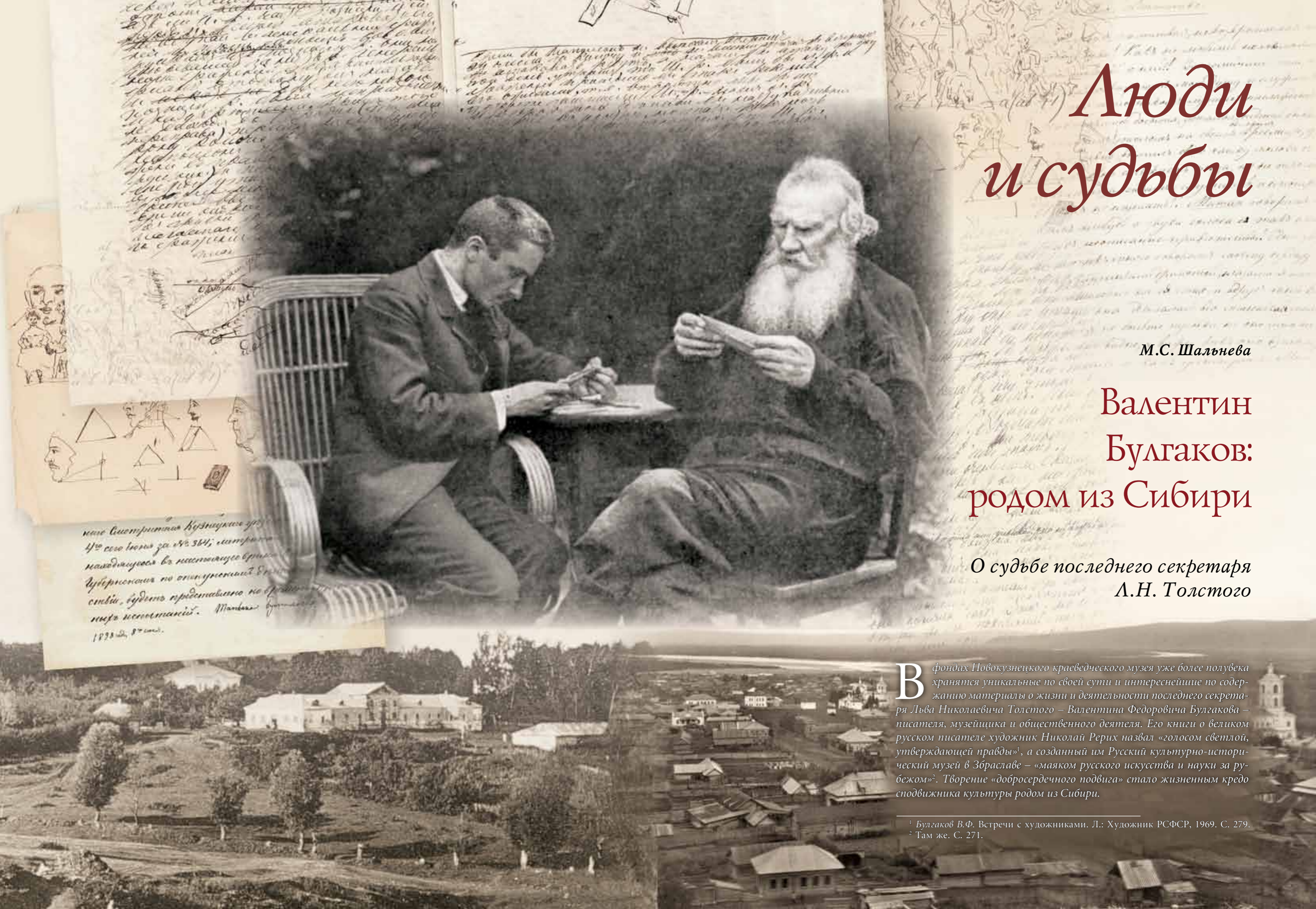
Валентин Булгаков: родом из Сибири

О судьбе последнего секретаря
Л.Н. Толстого

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея уже более полувека хранятся уникальные по своей сути и интереснейшие по содержанию материалы о жизни и деятельности последнего секретаря Льва Николаевича Толстого – Валентина Федоровича Булгакова – писателя, музейщика и общественного деятеля. Его книги о великом русском писателе художник Николай Рерих назвал «голосом светлой, утверждающей правды»¹, а созданный им Русский культурно-исторический музей в Зbrasлаве – «маяком русского искусства и науки за рубежом»². Творение «добросердечного подвига» стало жизненным кредо сподвижника культуры родом из Сибири.

¹ Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 279.

² Там же. С. 271.

Валентин Булгаков (Воля, как называли его близкие) родился 13 ноября 1886 года в уездном городе Кузнецке Томской губернии в семье штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов. Его отец, Федор Алексеевич Булгаков, был весьма уважаемым человеком в городе. Это было связано не столько с занимаемой им должностью, сколько с неординарностью личности Федора Алексеевича. Из формулярного списка о службе известно, что родился он в 1824 году в семье священника. В 1846 году окончил полный курс наук в Тамбовской семинарии. Однако духовная стезя по каким-то причинам ему не приглянулась, вскоре Федор Алексеевич уволился из церковного звания и после сдачи экзаменов в педагогическом совете Томской губернской гимназии был признан достойным звания домашнего учителя русского языка. В 1854 году Федор Булгаков прибыл в Кузнецк, где поступил учителем в Кузнецкое уездное училище, в 1866-м был назначен его штатным смотрителем. Службу свою Булгаков-старший исполнял весьма исправно. Через несколько лет директор училищ Томской губернии в одном из документов так отзывался о его работе: «Штат кузнецких училищ самый счастливый в дирекции по отсутствию в нем бо-

лезни – некомплекта учителей, самый счастливый и по сомкнутости, согласию, и дружеским отношениям всех членов ее... Причина тому заключается в благонамеренности, понимании своих обязанностей и деятельном участии в общем деле штатного смотрителя Булгакова...»³ Также из воспоминаний современников известно, что Федор Алексеевич не брал взятки, а в то время взятки составляли «бытовое явление».

В памяти же самого Валентина Федоровича отец остался таким: «Мой отец, умерший, когда мне было 10 лет, был старый, давно уже вышедший после 35-летней службы в отставку чиновник. Всегда бритое лицо (только перед смертью отец отпустил красивую седую бороду), высокий рост, плотность – то, что называется “крупная фигура”, громкий голос с сохранившимся до конца дней “рассейским” (тамбовским) выговором, ум, уверенность в себе, независимость, старая веселость, честность, карты, полное неупотребление табаку, водки и всякого вина – вот мой отец. Вероятно, как чиновник он был тщеславен. В царские дни он непременно, надев ордена и мундир со шпагой, в треуголке, ездил к обедне в собор. Часто наблюдая этот торжественный туалет отца, мы, дети, как-то обратились к нему с вопро-

Татьяна Никифоровна и Федор Алексеевич Булгаковы – родители Валентина Булгакова

сом, за что ему дали ордена (у него их было три, с Владимиром 4-й степени, и медаль). “А вот послужите, как я, – отвечал отец, застегивая шитый воротник и подняв бритый подбородок кверху, – и вам дадут”. И еще необходимо добавить вот что. Отец, по-видимому, много читал. Из его книг, потом утерянных, я помню 2 тома “Истории цивилизации в Англии” Бокля, несколько томов Дарвина, в том числе “Происхождение видов”, “Прирученные животные и возделанные растения”, чью-то “Историю инквизиции” и др. Поля всех этих книг были испещрены собственноручными замечаниями отца. На полях “Истории инквизиции” помню ругательства по адресу католического духовенства. Отец вообще очень не любил попов. Вместе с книгами после отца осталось до десятка толстых переплетенных его рукописей, с заглавиями: “Логика”, “Онтология”, “Философия” и пр. Вероятно, это были записки лекций его семинарских преподавателей. В детстве я с братьями употреблял эти рукописи для засушивания растений. Кстати, еще скажу, что в аттестате об окончании семинарии у отца лучшие отметки стоят по русскому языку и философии. Надо полагать, что для нашего Кузнецка умственный багаж отца был очень значителен»⁴.

В Кузнецке Федор Алексеевич находит себе и жену (третью по счету, две предыдущие к тому

моменту умерли). Татьяна Никифоровна Булгакова (в девичестве Исакова) была дочерью крестьянина села Коурака, Кузнецкого уезда, Исакова, служившего когда-то рядовым в лейб-гвардии Гренадерском полку и участвовавшего в одном из турецких походов. Мать ее была дочерью старообрядческого, из секты поморов, начетчика Михаила Осиповича Сизева. Образование она получила в Томской гимназии, а затем была назначена учительницей в Кузнецкое женское приходское училище. Однако преподавала только один год, до замужества. Разница в возрасте новобрачных была колоссальной – 40 лет! (на момент замужества невесте 20 лет, жениху 60). Несмотря на это брак оказался удачным. В семье родилось трое детей – Валентин, Вениамин и Надежда (умерла в детстве).

Валентин был первенцем Татьяны Никифоровны – может быть, именно с этим было связано более трепетное и нежное к нему отношение со стороны матери. Сам Валентин Федорович так отзывался о матери в своих воспоминаниях: «Как мне приступить к ее характеристике? Если я назову ее умной, благородной, деликатной, это все будет правдой, но все будет неполно. Она при всей своей большой скромности, – тонко развитая и глубокая натура, вследствие того сильного влияния, которое, при ее чуткости, оказывали на нее жиз-

⁴ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г. // РГАЛИ. Ф. №2226, оп. №1, д. 1316.

◀ Вид на город Кузнецк с Крепостной горы. Фото начала XX в.

Воспоишу Директору Томской классической
гимназии и училища Томской губернии.
Булгаков Валентин
Бовы Кошмарова Ассессора
Матильды Максимовны Бул-
гаковой.
Прошение.
Желаю дать образование сыну моему Валентину
Булгакову во втореишомъ Вашемъ учебномъ заведеніи,
имѣю щее просить распоряженія Вашего Высоко-
родія отомъ, чтобъ она была подвергнута экзамену
и испытанію и по добитіи свидѣтельства
вашего пошлена въ 1^ю классъ и принята на кон-
зенный счетъ; при томъ имѣю щее сообщить,
что она приговорила къ поступленію въ 1^ю классъ
и до сего времени обучалась въ Кузнецкомъ уездномъ
училищѣ.
При прошеніи прилагаются свидѣтельство
о прививкѣ оспы за № 39 и удостовѣреніе Г. Штат-
наго Виестришья Кузнецкого уезднаго училища отъ
4го сего мѣся за № 364; метрическое свидѣтельство,
находящееся въ настоящее время въ Томскомъ
Губернскаго по отлученіи отъ отца присут-
ствіи, будетъ представлено по времени прижи-
мы и истоптаній. Матильда Булгакова.
1898 годъ, 8го сент.

Прошение Т.Н. Булгаковой
директору Томской
классической гимназии

Фотографии
Одигитриевской церкви
и здания приходского
училища Кузнецка.
Фонд семьи Булгаковых,
Новокузнецкий
краеведческий музей

ненные испытания. Очень начитанная, особенно по русской литературе, которую любит и знанием которой иногда очень гордится. Я знаю, что нас, детей, она любила (меня, по-видимому, особенно), но никогда в отношениях ее к нам не было слащавой нежности. Нам уже лет с 10-ти предоставлена была почти полная (если не полная) независимость. В матери я всегда встречал по отношению к себе, прежде всего, — доверчивость. Если не к отдельным моим поступкам (особенно последнего времени), то к их нравственной самооценности⁵.

И действительно, детям в этой семье было позволено многое, а любое творческое начинание поддерживалось и поощрялось. Вот несколько примеров из воспоминаний младшего брата, Вениамина.

В конце XIX века Кузнецк не имел общественной библиотеки, о ее открытии как раз хлопотал Федор Алексеевич (и нужно отметить, что успешно; библиотека была открыта в 1894 году). По примеру отца Валентин с братом решили открыть свою детскую библиотеку. И она была

открыта — в курятнике Булгаковых! Для этого пришлось переселить пернатых обитателей в закуток амбара, а в самом курятнике «были убраны насесты, стены промыты мыльным кипятком, пол отскребен железной лопатой и ошпарен кипятком с керосином». В библиотеке было более двухсот книг, среди них и приложения к журналу «Нива», и сочинения русских писателей; были сказки о Бове-королевиче, Еруслане Лазоревиче, сказки народные и сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О попе и работнике его Балде». На полках стояли книжки исторического характера: «Как солдат спас Петра Великого», «Крещение Руси», «Шут Балакирев», «Куликовская битва», «Синопский бой». Включили в библиотечный каталог и брошюрку «Что такое холера и как себя от нее уберечь». Книги выдавались на определенное время, что фиксировалось в специальной карточке.

Приход в Кузнецк первого парохода в 1897 году вызвал в городе много шума и пересудов. Бегала смотреть на чудо техники и детвора, но подняться

⁵ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г.

Вид на Кузнецкую крепость с улицы Ф.М. Достоевского. Рисунок Валентина Булгакова. 1914

на палубу, а тем более заглянуть в машинное отделение им не позволялось. Вот и возникла в их головах идея построить свой сухопутный пароход «Кузнецк». Работа началась во дворе зажиточного кузнечанина Луки Ивановича Конова, сын которого Яшка был другом детства братьев Булгаковых. Однако «строительство» пришлось свернуть, Лука Иванович не поддержал начинание. После разговора с Татьяной Никифоровной идею воплотили в жизнь во дворе дома Булгаковых. За два дня из старых ульев и другого подручного материала (внутри одного из ульев, кстати, была установлена даже печь-временка, чтобы пароход дымил как настоящий) был построен пароход «Кузнецк», который совершил «путешествие» в Томск. Помощником капитана корабля был девятилетний Воля Булгаков.

Кузнецк промелькнул веселой страницей, которая рассказывает о беззаботном детстве, о походах в горы, рыбалках в окрестных озерах. Были и веселые любительские спектакли, в устройстве которых

Валентин принимал самое живое участие и пользовался большим успехом как исполнитель. «Милый, поэтический уголок! Твои горы, широкая, светлая, быстрая река, старинная каменная полуразвалившаяся крепость с пушками на горе над городом, обилие цветов, благодатный воздух, милые, простые обыватели – навсегда останутся в моей памяти. Были у меня милые товарищи детства (конечно, все теперь разбросались по разным местам) – скромные, сорванцы и умницы, не было только таких мечтателей, как я»⁶, – напишет впоследствии о своих кузнецких годах Валентин Булгаков.

Именно таким мечтателем, получив в Кузнецке начальное образование, отправляется он в Томск, чтобы продолжить обучение в гимназии. Нужно отметить, что Татьяна Никифоровна сделала все возможное, чтобы ее дети получили достойное образование. Не имея финансовых возможностей, она добилась для них полного государственного пансиона.

Томский период жизни Валентина и учебу в классической гимназии можно охарактеризовать как поиск жизненных позиций. Именно в этот период было много исканий, брожений, метаний. Среди них можно отметить увлечение, «не совсем сознательное и искреннее», по словам Валентина Федоровича, этнографией. А началось все со знакомства с известным путешественником, ученым Григорием Николаевичем Потаниным. Общение это продолжалось три года. Валентин читал литературу по фольклору, которой снабжал его Потанин, а во время каникул ездил по деревням Алтая, где записывал сказки, песни. Сказки эти в количестве 28 штук напечатаны были в «Известиях Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества» под редакцией Потанина. Были пробы пера и в газетной журналистике. Среди них особо нужно отметить статью «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», где впервые рассказывалось о кузнецком периоде жизни Достоевского и его женитьбе на Марии Дмитриевне Исаевой, а также заметку на эту же тему «Несколько слов по поводу картины Вучичевича “Домик Достоевского в Кузнецке”».

Сам Булгаков называл себя «передовым» гимназистом. Он писал стихотворные сатиры на учителей, издавал гимназический журнал, организовал журнал

«Томский театрал», участвовал в качестве распорядителя в гимназических спектаклях и концертах, пел в гимназическом хоре (а на переменах – запрещенные и незапрещенные песни в классе). Принимал участие в нескольких манифестациях, однако по отношению к революционному освободительному движению был только сочувствующим; имел неоднократные стычки с начальством, иногда очень эффективные с внешней стороны благодаря своему своенравному тогда характеру. Пытаясь найти какое-нибудь руководство в жизни, еще в младших классах гимназии организовал с двумя товарищами-пансионерами тайное общество. Просуществовало оно недолго из-за внутренних разногласий, но, как отмечал сам Валентин Федорович, правила общества научили его напрягать силы для борьбы со своими слабостями.

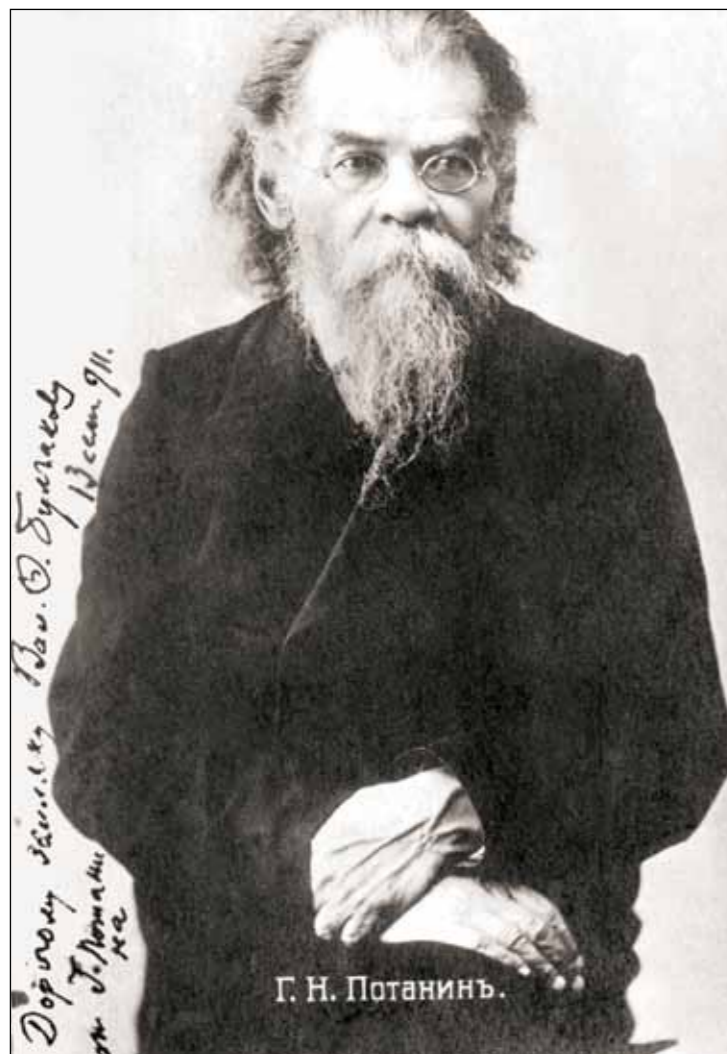
«Про свои гимназические годы я сказал бы, что много было, но ничего не стало, т.е. я остался со своей полной неопределенностью взглядов»⁷. Гимназию Валентин Булгаков закончил с золотой медалью. Что дальше? Были громадные надежды на Московский университет, на московское общество, которое, по его представлениям, должно было быть иным, особенным. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться. Поступив на философское отделение историко-филологического факультета, Булгаков с первых занятий понял, что университетская философия чужда жизни и содержит лишь отвлеченные мудрствования, «умственную эквилибристику», да и вся система университетского преподавания, ее формализм, сухость, отсутствие свободы и независимости духовного развития были ему чужды. Именно в этот период Булгаков прочел «Исповедь» Л.Н. Толстого. С этого все и началось. Книга сыграла судьбоносное значение в жизни Валентина Федоровича. Знакомясь с другими философскими сочинениями Толстого («В чем моя вера», «Так что же нам делать» и многое другое), он все больше убеждался, что именно у Толстого найдет столь долго и безуспешно разыскивавшееся решение вопроса о смысле жизни.

В 1907 году Булгаков впервые посещает Льва Николаевича в Ясной Поляне. Эта встреча была так важна и ожидаема, что запомнилась Валентину на всю жизнь. Он так описывал ее полвека спустя: «Это было 53 года тому назад, 23 августа 1907 года. Я был студентом-филологом Московского университета, прочел ряд публицистических и философских работ Л.Н. Толстого, заинтересо-

Лев Николаевич Толстой

вался ими и явился в Ясную Поляну, чтобы в беседе со Львом Николаевичем выяснить некоторые волнующие меня вопросы. Вместе со мной подошел к дому Толстого молодой рабочий, интересовавшийся вопросами о борьбе с пьянством в деревне. Вместе с ним мы присели на скамеечку под «деревом бедных», – так назывался старый вяз, который стоял перед входом в дом. <...> Мы едва успели обменяться с рабочим несколькими фразами, как со стороны яблоневого сада показался Толстой. Он был одет в длинную белую блузу и высокие сапоги. На голове – широкополая матерчатая летняя шляпа. Седая борода блестела на солнце. Опираясь на трость, Лев Николаевич быстрыми шагами подошел к нам и обратился сначала ко мне: “Что вам угодно?” Небольшие старческие, колючие и пронизательные, серо-голубые глаза впились

Г. Н. Потанинъ.

Фотография Г.Н. Потанина с дарственной надписью Валентину Булгакову. Фонд семьи Булгаковых, Новокузнецкий краеведческий музей

⁶ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г.

⁷ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г.

Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков в имени дочери Толстого Кочеты. 1910

в меня испытующим взглядом. Я так растерялся, что в первую минуту не мог ответить Льву Николаевичу ничего вразумительного. Тогда он обратился к рабочему: “А вы, наверное, поговорить со мной хотите?” “Да, Лев Николаевич”, – ответил тот совершенно просто и спокойно. “Ага... Так пойдем пройдемся вместе, а вы здесь подождите”, – сказал Толстой, повернувшись опять ко мне. И он ушел с рабочим в парк. Оставшись один, я опомнился. “И чего ты испугался? – говорил я себе. – Ведь это

Толстой! Что может быть тебе от него, кроме доброго?” Смущение рассеялось. Вместо него ко мне пришло счастливое, светлое сознание того, что я только что видел *самого Толстого*. И когда Лев Николаевич опять подошел ко мне и пригласил пройтись по парку, я уже разговаривал с ним так, будто мы сто лет с ним знакомы. <...> Мы покинули Толстого совершенно счастливые. Не только то, что сказал он, но и вся его личность, его приветливость произвели на нас сильнейшее впечатление»⁸.

⁸ Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула: Приокское книжное издательство, 1978. С. 64–67.

С этого времени завязалась тесная дружба и переписка между Толстым и Булгаковым. Валентин лишь формально числился студентом, все реже посещая университет, а на третьем году и вовсе забросил лекции и практические занятия. Занимался только общественной работой. Был одним из учредителей и два года председателем Сибирского землячества при университете, кружка, преследовавшего две цели: научную (изучение Сибири) и взаимопомощи. На публичном вечере в память сибирского поэта Оммушевского сделал доклад о его литературной деятельности. На собрании в честь Толстого в богословской аудитории читал свои воспоминания о двух поездках к нему – 23 августа 1907 года и 10 апреля 1908-го.

Параллельно с общественной работой Булгаков трудился над составлением систематического изложения мировоззрения Льва Николаевича и назвал свою работу «Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого». Работа эта имела большое значение в жизни Булгакова; занимаясь ею, он выяснил собственные взгляды на жизнь, помимо этого, она сыграла роль своего рода диссертации для получения нового звания и для вступления в новую должность – секретаря Л.Н. Толстого. В 1909 году, переписав работу начисто, Валентин Федорович поехал показывать ее писателю. Работа была одобрена Львом Николаевичем, и Булгаков остался в Ясной Поляне в качестве личного секретаря Толстого (предыдущий секретарь Н.Н. Гусев был сослан в Пермскую область за распространение нелегальной литературы).

Этот непродолжительный по времени (один год), но очень значимый в его дальнейшей судьбе период жизни никто точнее самого Булгакова не охарактеризует: «С чем я вошел в Ясную Поляну и с чем вышел? С каким внутренним багажом? Взглядами Льва Николаевича я увлекся сна-

чала как анархическими и противоцерковными. Потом, вчитавшись в книги Льва Николаевича внимательно и прочитав их много во время работы над “Систематическими очерками”, я увидел всю важность религиозной сущности учения Льва Николаевича и поразила тогда логической стройностью этого учения. <...> В Ясной, от непосредственного соприкосновения со Львом Николаевичем и со многими другими религиозными людьми, взгляд этот углубился во мне, вошел в мою плоть и кровь, сделался для меня единым источником света в жизни»⁹.

Каждый день пребывания рядом с Толстым Булгаков записывал в свой дневник. И уже на следующий год после смерти писателя в издательстве Сытина вышла книга «Л.Н. Толстой в последний год его жизни». По этическим соображениям в книгу не вошли некоторые эпизоды, касающиеся взаимоотношений внутри семьи Толстых. Слишком свежи были раны.

В следующие годы вплоть до октября 1917-го по поручению Толстовского общества Валентин Булгаков занимался описанием огромной библиотеки Толстого в Ясной Поляне. Работа им была проделана колоссальнейшая! Также был помощником, а затем заведующим Государственным музеем Л.Н. Толстого и хранителем хамовнического дома-музея. В 1914 году вместе с 42 единомышленниками опубликовал воззвание «Опомнитесь, люди-братья» против империалистической войны (всю жизнь Булгаков был пацифистом, состоял в различных международных антимилитаристских организациях). Далее следует арест и 13 месяцев предварительного заключения в тульской тюрьме. Дело получилось достаточно громким и было передано в военный суд, отчасти поэтому его рассматривали в Москве. Зал Московского военно-окружного суда на Арбате не мог вместить всех обви-

⁹ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г.

Конная статуя святого Вацлава возле Збраславского замка

няемых по «делу толстовцев», поэтому заседания проходили в Екатерининском зале Кремля. Защищали обвиняемых добровольно и безвозмездно известные в то время адвокаты Муравьев и Маклаков. Судебные слушания длились девять дней, в результате все подсудимые были оправданы.

События октября 1917 года изменили жизнь в стране. Однако на жизни и деятельности Булгакова это особым образом не отразилось, он

продолжал заниматься пропагандой идей Толстого – выступал с лекциями, участвовал в публичных диспутах о религии с А.В. Луначарским, известными профессорами В.А. Поссе и М.А. Рейснером, стоял на почве внецерковного, свободно-религиозного жизнепонимания, редактировал и публиковал ранее запрещенные сочинения Льва Николаевича. Кроме того, Валентин Федорович занимается организацией трудовых колоний для детей городской бедноты, помогает голодающим Поволжья и других регионов страны, собирает деньги и продукты.

В начале 1920-х годов политическая обстановка в Советской России изменилась, и небезызвестный «философский теплоход» увез цвет русской интеллигенции из страны. В их числе был и Валентин Булгаков с семьей. Обосновавшись в Чехословакии, он занимался преподаванием русского языка, переводами, литературной работой. Читал публичные лекции о жизни и творчестве Толстого в Чехословакии, Югославии, Болгарии, Австрии, Германии. В эти годы он познакомился с Роменом Ролланом и обменялся с ним и Альбертом Эйнштейном несколькими письмами. Но главным его детищем стал организованный в Збраславе Русский культурно-исторический музей, где были собраны произведения изобразительного искусства известнейших русских мастеров – И.Е. Репина, К.А. Коровина, А.Н. Бенуа, Н.К. Рериха и многих других, а также фотографии, предметы русской старины, книги и личные вещи выдающихся личностей. Официальное открытие музея состоялось 7 сентября 1935 года в присутствии более полутора сотни гостей. В составленном Булгаковым проекте Положения о Русском культурно-историческом музее провозглашалось, что «в будущем все коллекции музея должны быть перенесены в Россию как русское национальное достояние»¹⁰.

Збраславский замок, в котором располагался Русский культурно-исторический музей

Целью музея, согласно Положению, было «собрание, хранение, изучение и экспонирование памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще»¹¹. Музей собирал книги русских зарубежных писателей, предметы русской старины, материалы о деятельности отечественных ученых и литераторов. Постепенно сформировались отделы: художественный, русской старины и культурно-исторический, которые разместились в двух просторных залах Збраславского замка. Позже в новых залах, любезно предоставленных владельцем замка Кириллом Бартоном-Добениным, были открыты архитектурное отделение музея, основу которого заложили

русские архитекторы Праги, а также Пушкинский зал и зал театрального искусства.

«...Я работал для музея с самозабвением, – писал В.Ф. Булгаков. – Не жалел ни сил, ни времени. Забывал часто о своих обязанностях главы семьи. Работа любимая, работа около искусства, культуры, работа, посвященная русскому делу, доставляла мне огромное удовлетворение. Я соскучился по ней за десять с лишним лет пребывания за границей. Общаясь с русскими учеными, писателями и художниками, храня, развешивая и показывая посетителям картины Репина, Рериха, Богданова-Бельского, Высотского, Кайгородова, Бориса Григорьева, Наталии Гончаровой и других русских художников, собирая русские

¹⁰ Шальнева М.С., Кулакова Е.С. Маяк русского искусства и науки за рубежом // Культура и время. 2007. №1. С. 127.

¹¹ Шальнева М.С., Кулакова Е.С. Маяк русского искусства и науки за рубежом. С. 127.

Н.К. Рерих. Святой Сергий Радонежский. 1932

портреты, книги, рукописи, русскую скульптуру, русское прикладное искусство, памятники русской старины, я чувствовал себя как бы немного и “дома”, в родной стихии, – снова восстановив связь с русской жизнью и русской культурой. Мысль же о том, что собирается все это для Родины и что, следовательно, вся моя работа по заведыванию музеем посвящена Родине, наполняла мою душу глубокой радостью»¹².

Отдельная страница в истории Русского культурно-исторического музея – открытие зала

Зал академика Николая Рериха. Збраслав, 1938

Николая Константиновича Рериха. Это событие произошло 16 июня 1938 года в присутствии представителей русского и чешского учебного и художественного мира. Все началось с письма В.Ф. Булгакова Рериху, в котором он рассказал о музее. Художник сразу откликнулся, и в дар музею были высланы «Эверест» и «Канченджанга», а через некоторое время еще 13 работ. Однако нужно отметить, что все они находились в музее во временном хранении и должны были быть возвращены автору в случае его закрытия. Полотна «Святой Сергий Радонежский», «Часовня Сергия» («Свято-Сергиева часовня на путях в Гималаи»), «Тень Учителя», «Гуга Чохан», «Ченрези», «Мать Чингиз-Хана» и другие увеличили ценность музейной коллекции во много раз. «Мне ясно <...> относительно Ваших картин, и это я не устаю повторять другим, что они полны не только художественной прелести, но и могучей духовной силы. И, по крайней мере, я лично это в них, как, разумеется, и во всем Вашем художественном творчестве, высоко ценю»¹³, – писал Валентин Федорович художнику. Между В.Ф. Булгаковым и Н.К. Рерихом завязывается переписка. Тоска по Родине, единство точек зрения по многим вопросам, увлечение искусством и музейным

делом сблизили их отношения до настоящей высокой и чистой дружбы.

Святослав Николаевич, младший сын Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов, также внес свой вклад в Русский культурно-исторический музей. Он подарил большой портрет отца, выполненный в 1938 году, картины «Портрет Кулуты» и «Закат солнца».

Проживая за границей, Валентин Федорович оставался советским гражданином и каждый год пролонгировал в консульстве свой паспорт, поэтому 22 июня 1941 года как советский гражданин он был арестован немцами и заключен в тюрьму. Все годы Великой Отечественной войны Булгаков провел в лагере для интернированных советских граждан. Но и там он не переставал работать – на оборотной стороне не-

Н.К. Рерих. Гуго Чохан. 1931

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1938

мецких листовок грифельным карандашом писал книгу «Друзья Толстого», и не только написал ее, но и сумел вынести из тюрьмы. Освободили Валентина Федоровича наступающие с запада американские войска в 1945 году.

Вернувшись в Прагу, Булгаков узнал, что в Збраславском замке стояли немцы и музей разгромлен. Уцелевшие коллекции были собраны и размещены в здании школы при советском посольстве. В это же время встал вопрос о возвращении коллекции (а также семьи Булгакова) на Родину. Справедливости ради нужно заметить, что

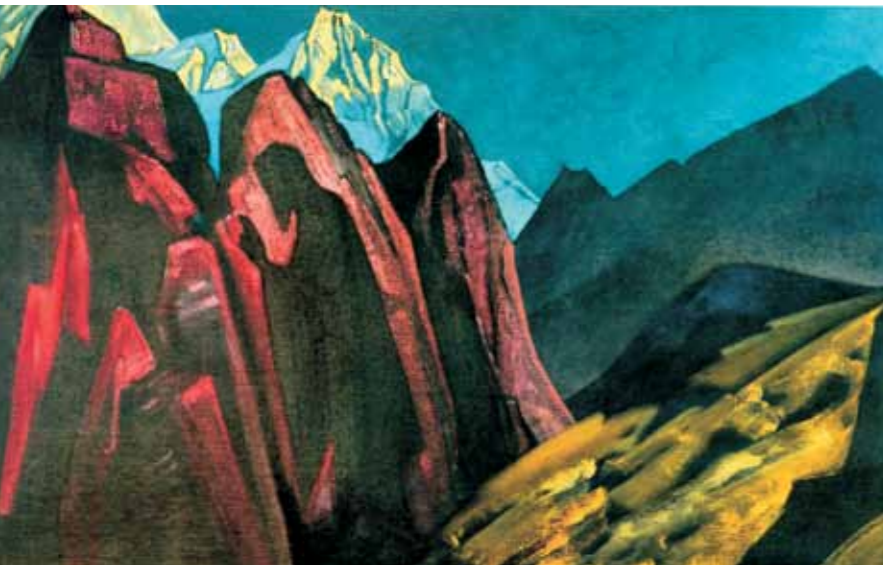
кое-какие сведения и материалы, в том числе и о Толстом, были еще до войны высланы в Москву. Продолжая активно заниматься общественной работой, читать курс лекций по истории Чехословакии в школе при посольстве, Булгаков поступил на службу в Министерство информации. На этом посту он много сделал для пропаганды русской культуры и установления дружеских отношений между СССР и Чехословакией. Он был редактором бюллетеня о Советском Союзе на чешском языке, организовал курс лекций чехословацких ученых в советском посольстве и русско-чешский «Круг друзей театра», под покрови-

тельством которого в Праге состоялись несколько спектаклей с участием известных артистов.

В 1948 году вопрос о дальнейшей судьбе музейной коллекции встал необычайно остро – школа перестала существовать, и хранить там экспонаты стало невозможно. Решено было по каналам советского посольства отправить коллекцию в Москву. В марте 1949 года Министерство иностранных дел сообщило Булгакову, что полученные предметы были распределены между Третьяковской галереей, Государственным историческим музеем, несколько картин и рисунков получил Центральный теат-

¹² Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // РГАЛИ. Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

¹³ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 28 декабря 1936 года // РГАЛИ. Ф. №2226, оп. №1, д. 352.

Н.К. Рерих. Тень Учителя. 1932

ральный музей имени А.А. Бахрушина. Всего было отправлено более 25 ящиков с историческими, театральными и этнографическими коллекциями, библиотекой музея, рукописями и фотографиями.

В августе 1948 года Валентин Федорович вместе с семьей вернулся на Родину. Ни для кого не секрет, куда попадали люди, прошедшие фашистские лагеря. Однако никто из семьи Булгаковых, ни те, кто оставался на территории Союза, ни те,

кто был за границей, не был арестован, репрессирован. С чем это было связано? Ни в своих работах, ни в письмах Валентин Федорович не затрагивает эту тему. Можно предположить, что заслуги Булгакова были зачтены ему «компетентными органами» на Родине.

Вернувшись, Булгаков продолжил заниматься привычным для него делом – нести толстовские идеи людям. Вскоре он был назначен научным сотрудником, а затем хранителем дома-музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Под его руководством был проведен ремонт дома, восстановлены исторические колеры покраски стен, обивка мебели, утраченные за годы войны, реставрированы живопись и скульптура. Валентин Федорович проводил экскурсии, в том числе для иностранных делегаций и дипломатического корпуса. В 1959 году вышел на пенсию, но остался жить на территории музея-усадьбы, работая над мемуарами «Как прожита жизнь».

После выхода на пенсию осуществилось давнее желание братьев Булгаковых – посетить историческую родину, родной и милый сердцу Кузнецк. По приглашению друга юности Константина Воронина Валентин и Вениамин Булгаковы приез-

Братья Валентин и Вениамин Булгаковы на берегу реки Томи. 1959

Братья Валентин и Вениамин Булгаковы возле дома Ф.М. Достоевского в родном Кузнецке. 1960

жают в Сталинск (с 1961 г. – Новокузнецк). Несмотря на то, что город изменился, они словно вернулись в детство – им удалось застать свой родной дом (через несколько лет он будет снесен), побродить по знакомым улицам, посидеть на берегу любимой реки Томи. До конца дней Валентин Федорович поддерживал связь с родным городом. Фонды городского краеведческого музея пополнились фотографиями старого Кузнецка, воспоминаниями о городе, а также личными документами и вещами семьи Булгаковых.

Валентин Федорович Булгаков ушел из жизни 22 сентября 1966 года. Его похоронили на фамильном кладбище Толстых, недалеко от Ясной Поляны. Прожив долгую, нелегкую, но интересную жизнь, он остался верен себе, своим идеалам и взглядам. Что поддерживало его? Ответ находим у него самого: «Я не безукоризненной нравственной чистоты человек <...> в моей жизни было тяжелое (описать которое нет надобности), но религиозность, та

истинная религиозность, которая заставляет человека перенести сущность жизни из телесного существа в духовное, дала и дает мне силы справиться со всем этим. У меня есть точка опоры – вера в Бога. И с нею мне ничто не страшно, все победимо»¹⁴. Такой подвиг под силу далеко не каждому.

P.S. В октябре 2010 года, в преддверии 125-летия со дня рождения Валентина Федоровича Булгакова, на его малой Родине, в Новокузнецке, был торжественно открыт памятник «Учитель и ученик». Скульптурная композиция, запечатлевшая близких по духу и миропониманию людей – Л.Н. Толстого и В.Ф. Булгакова – установлена в исторической части города, у здания Кузнецкого уездного училища. Нужно отметить, что это единственный на территории России памятник, увековечивший память последнего секретаря Л.Н. Толстого, выдающего публициста, музейщика Валентина Федоровича Булгакова.

¹⁴ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г.